

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.9

EDN: KFEPTT

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Князькова Е. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
E-mail: eapavlova@bk.ru*

Для цитирования: Князькова Е. А. Проблемы занятости и безработицы российской молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.9>. EDN: KFEPTT

Аннотация. В статье на вторичных материалах современных исследований и источниковой базы 2020–2022 годов обобщены основные тенденции в сфере занятости и безработицы российской молодежи, актуализированы проблемы неформальной занятости молодых людей и их прекаризации. Несмотря на увеличение доли молодежи в общем составе населения, связанное с повышением границ молодежного возраста, динамика численности молодежи в России уменьшается. Уровень профессионального образования молодежи растет, уровень ее занятости в 2017–2020 гг. также обнаруживал тенденцию к росту и превышал общероссийский показатель занятости. Вероятно, в связи с пандемией коронавируса уровень занятости всех возрастных групп уменьшился. В аналогичный период 2017–2020 гг. наибольшие уровни занятости были характерны для групп 30–34 года и 25–29 лет (85,7% и 83,3% соответственно). В более молодых возрастных группах уровень занятости составляет 48,5% – 20–24 года, 5,3% – 15–19 лет. С 2017 года наблюдается тенденция увеличения безработицы молодых людей. Остается высокой доля молодежи, занятой в неформальном секторе, особенно в возрастных категориях 15–19 лет и 20–24 года. Для современной молодежи актуальна проблема прекарной занятости, основные элементы которой изучены и обобщены коллективом Российского государственного гуманитарного университета под руководством Тощенко Ж. Т. Материалы исследования могут представлять интерес для специалистов, занимающихся разработкой управленческих решений в сферах государственной молодежной политики, политики содействия занятости и трудоустройства молодежи, а также исследователей обозначенных проблем.

Ключевые слова: социально-демографическая структура российской молодежи, образование российской молодежи, безработица молодежи, занятость молодежи, занятость молодежи в неформальном секторе, прекарность молодежи.

Введение

На современном этапе особую актуальность и значимость приобретает изучение проблем занятости и безработицы всех социально-демографических групп населения. Поскольку именно молодежь, получающая в настоящее время профессиональное образование, будет определять состояние рынка труда в ближайшей перспективе, актуальны исследования уровня образования молодежи, степени соответствия рынка образовательных услуг и рынка труда. Первоочередное внимание следует уделить проблемам молодежной занятости и безработицы, т. к. несмотря на преимущества молодого возраста, молодежь остается одной из уязвимых категорий населения, испытывающей сложности при трудоустройстве, занятой в неформальном секторе, а также работающей на условиях прекарной занятости. Комплекс обозначенных проблем обусловил исследовательский интерес к изучаемой теме, предопределил исследовательскую логику.

Обзор научной литературы по исследуемой проблематике представлен публикациями российских и зарубежных ученых. Современный взгляд на проблемы занятости и безработицы российской молодежи отражен в публикациях таких исследо-

вателей, как Забелина О. В., Асалиев А. М., Дружинина Е. С. [1], Аврамова Е. М. [2] и ряда других.

Изучением проблем выпускников вузов как нового прекариата занимаются исследователи Южного федерального университета [3]. Значительный вклад в изучение прекариата внесли исследователи Российского государственного гуманитарного университета под руководством проф. Тощенко Ж. Т. [4; 5].

Источниковая база представлена данными Росстата («Распределение населения по возрастным группам» за 2020 год¹; «Россия в цифрах», 2020²; «Труд и занятость в России», 2021³; «Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)», 2020⁴ и др., материалами Доклада о мировом развитии Группы Всемирного банка, 2022 г.⁵ и пр.

Результаты

Социально-демографическая структура российской молодежи

Рассмотрим социально-демографическую структуру российской молодежи: долю молодых людей в общем населении страны, возрастную структуру молодежи, динамику ее численности, соотношение числа мужчин и женщин.

Возрастные рамки молодежного возраста в современной Российской Федерации определены⁶ границами 14–35 лет.

По имеющимся в распоряжении данным Росстата («Распределение населения по возрастным группам») за 2020 год, а также аналитическим материалам Росмолодежи, доля молодежи 14–30 лет в общем населении страны на 1 января 2020 года составила 27 368 077 чел. или 18,65% населения (рис. 1).

В возрастной структуре молодежи преобладают 23–27-летние – они составляют 29% от численности других возрастных групп молодежи (рис. 2).

Между тем, в 2020 году в связи с увеличением границ молодежного возраста до 35 лет, численность молодежи достигла 39,1 млн чел. Численность молодежи, как и в целом численность населения России, ежегодно сокращается (рис. 3).

¹ Распределение численности населения по полу и возрастным группам // Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. Сб. / Росстат. – М., 2020. – 145 с. – С. 16.

² Россия в цифрах. 2020.: Крат. стат.сб. / Росстат. – М., 2020 – 550 с.

³ Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат – М., 2021. – 177 с.

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России...

⁵ Доклад о мировом развитии 2022 «Финансирование в интересах справедливого восстановления» (обзор) / Группа Всемирного банка. 2022. – 46 с. DOI: 10.1596/978-1-4648-1730-4.

⁶ Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 12.04.2022).

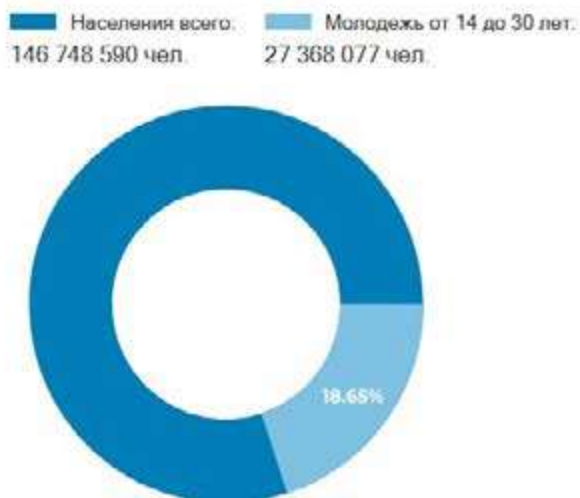

Рис. 1. Доля молодежи в общем населении страны на 1 января 2020 года
Fig. 1. The share of young people in the total population of the country as of January 1, 2020

Источник: составлено автором по данным Росмолодежи⁷

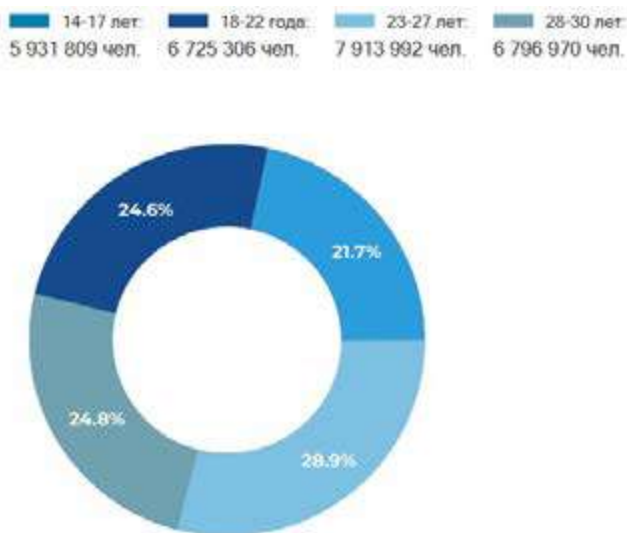

Рис. 2. Возрастная структура молодежи 14–30 лет на 1 января 2020 года
Fig. 2. Age structure of youth aged 14–30 years as of January 1, 2020

Источник: составлено автором по данным Росмолодежи⁸

⁷ Статистика Федерального агентства по делам молодежи. URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1> (дата обращения: 11.04.2022).

⁸ Там же.

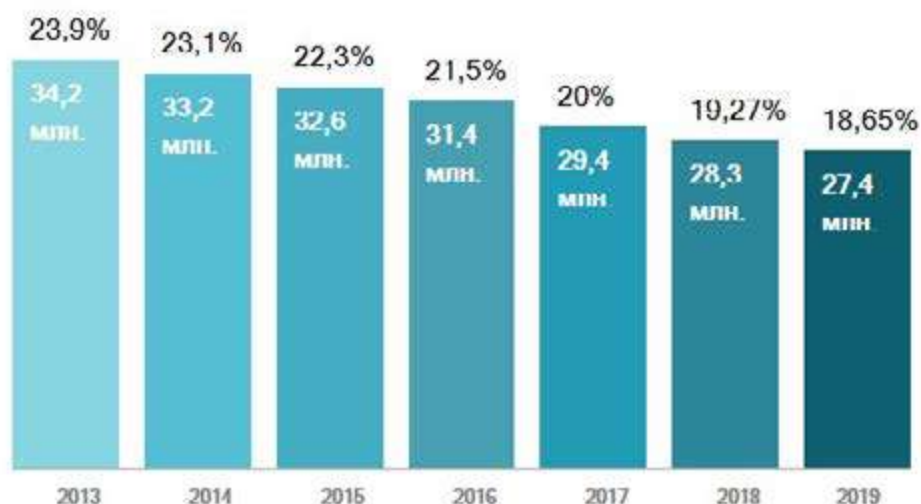

Рис. 3. Динамика численности молодежи в России (2013–2019 гг.)

Fig. 3. Dynamics of the number of young people in Russia (2013–2019)

Источник: составлено автором по данным Росмолодежи⁹

В 2017–2019 гг. доля мужчин 14–30 лет составляла 51%, женщин – 49%. Молодежь России сконцентрирована преимущественно в городах, однако можно говорить о стабилизации и некотором росте численности сельской молодежи в течение последнего десятилетия (с 25% на 1 января 2010 года до 26% на 1 января 2021 года). Сохраняется неоднородность в распределении молодежи между субъектами РФ: в городе Москве проживает в 258 раз больше молодежи, чем в Ненецком автономном округе [1].

Образование российской молодежи

Образовательный уровень российской молодежи растет в части профессионального образования, становится заметно выше по сравнению со среднероссийскими показателями. По данным микропереписей Росстата за 2015 год, среди 20–24-летних 73,2 % было охвачено профессиональным образованием (в 2010 году данный показатель был аналогичным), а среди 25–29-летних охват профессиональным образованием составил 81,4 % в 2015 году (против 75,9 % в 2010 году). Итак, прослеживается тенденция увеличения доли молодежи с начальным и средним профессиональным образованием в 2015 году, по сравнению с 2010 годом. Однако у молодежи по-прежнему в приоритете остается получение высшего образования (табл. 1; табл. 2).

⁹ Статистика Федерального агентства по делам молодежи...

Таблица 1.

Образовательная структура российской молодежи (профессиональное образование), в %^{10 11}

Table 1.

The educational structure of Russian youth (vocational education), in %

	Доля лиц с соответствующим уровнем образования, %			
	Профессиональное образование			
	Высшее и неполное высшее образование		Начальное и среднее профессиональное образование	
	2010	2015	2010	2015
Население РФ в целом	27,4	25,6	36,8	36,1
Население в возрасте 20–24 года	40	38,2	33,3	35
Население в возрасте 25–29 лет	42,1	45,2	33,8	36,2

Таблица 2.

Численность студентов, обучающихся по программам подготовки высшего и среднего профессионального образования (на начало учебного года)¹²

Table 2.

The number of students enrolled in training programs of higher and secondary vocational education (at the beginning of the school year)

	2017 / 2018 уч. год	2018 / 2019 уч. г.	2019 / 2020 уч. г.
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры			
Тыс. чел.	4245,9	4161,7	4068,3
На 10 000 чел. населения, человек	289	284	277
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих			
Тыс. чел.	543,2	542,1	543,4
На 10 000 чел. населения, человек	37	37	37
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена			
Тыс. чел.	2387,6	2464,3	2576,2
На 10 000 чел. населения, человек	163	168	176

¹⁰ Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.04.2022).

¹¹ Итоги микропереписи населения 2015 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 11.04.2022).

¹² Россия в цифрах (выпуск завершен в 2021 году) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 14.04.2022).

Проблемы занятости и безработицы российской молодежи

Поскольку фиксируется снижение доли молодежи в численности населения России в целом, в рабочей силе также наблюдается снижение общей доли молодежи. Уровень участия в рабочей силе молодежи 15–19 лет за десять лет снизился практически в два раза, уменьшается и уровень участия в рабочей силе молодежи 20–24 лет, в то время как аналогичный показатель в молодежной аудитории 25–29 лет остается почти неизменным (табл. 3).

Таблица 3.

Экономическая активность российской молодежи различных возрастных групп на рынке труда в 2010–2020 гг. (уровень участия в рабочей силе, %)

Table 3.

Economic activity of Russian youth of various age groups in the labor market in 2010–2020 (labor force participation rate, %)

Возрастная группа	Год										
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
15–19	11,6	10,6	9,3	9,0	8,1	8,7	9,0	8,0	7,7	6,8	6,6
20–24	62,5	62,1	59,4	60,1	58,9	58,2	58,6	57,1	56,4	57,7	57,3
25–29	87,1	87,6	88,1	87,3	87,3	87,9	88,5	89,2	89,2	88,5	88,1

Уровень занятости российской молодежи в 2017–2020 гг. составил в среднем 5,3 % – для возрастной группы 15–19 лет; 48,5 % – для возрастной группы 20–24 года; 83,3 % – для возрастной группы 25–29 лет; 85,7 % – для возрастной группы 30–34 года. В 2017–2020 гг. уровень занятости молодежи 25–29 лет более чем в 1,41 раз превышал среднероссийский показатель занятости, а молодежи 30–34 лет – более чем в 1,44 раза. В 2020 году уровень занятости всех возрастных групп молодежи уменьшился в связи с пандемией коронавирусной инфекции (табл. 4).

Таблица 4.

Экономическая активность российской молодежи различных возрастных групп на рынке труда в 2017–2020 гг. (уровень занятости, в % от численности населения соответствующей возрастной группы)¹³

Table 4.

Economic activity of Russian youth of various age groups in the labor market in 2017–2020 (employment rate, in % of the population of the corresponding age group)

Возрастная группа		2017	2018	2019	2020
15–19	Уровень занятости различных возрастных групп молодежи	5,7	5,6	5,1	4,8
20–24		48,7	47,8	49,4	48,0
25–29		83,9	84,3	83,6	81,5
30–34		86,0	86,8	86,1	84,2
Уровень занятости всех возрастных групп населения		59,5	59,8	59,4	58,4
Население в трудоспособном возрасте		77,5	78,2	78,3	77

¹³ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 14.04.2022).

В России самый высокий уровень безработицы в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года, при этом прослеживается тенденция увеличения безработицы во всех возрастных группах молодежи, начиная с 2017 года. Примечательно, что доля безработных женщин выше, нежели мужчин, во всех «молодежных» возрастных группах (табл. 5).

Таблица 5.

**Уровень безработицы молодежи по возрастным группам
(в процентах от численности рабочей силы соответствующей возрастно-половой группы)**

Table 5.

**Youth unemployment rate by age group
(as a percentage of the workforce of the corresponding age and gender group)**

	В том числе в возрасте, лет			
	15–19	20–24	25–29	30–34
Все население				
2017	28,4	14,7	5,9	4,7
2018	27,6	15,3	5,5	4,4
2019	24,7	14,4	5,6	4,4
2020	27,2	16,2	7,4	6,0
Мужчины				
2017	25,7	14,4	5,4	4,4
2018	25,6	14,7	5,2	4,0
2019	22,6	14,2	5,3	4,0
2020	23,2	15,6	6,7	5,4
Женщины				
2017	32,4	15,2	6,4	5,1
2018	30,3	16,1	5,9	4,8
2019	27,6	14,7	6,1	4,8
2020	33,2	17,0	8,3	6,8
Городское население				
2017	29,7	13,9	5,0	3,8
2018	28,7	14,2	4,7	3,7
2019	23,8	13,7	4,9	3,8
2020	28,0	15,7	6,6	5,5
Сельское население				
2017	26,7	17,2	9,3	8,1
2018	25,9	18,3	8,7	6,9
2019	26,1	16,3	8,7	6,6
2020	26,0	17,6	10,6	8,2

Тенденции неодинаковых последствий пандемии COVID-19 в гендерном разрезе отвечают общемировым тенденциям. Так, Всемирный банк отмечает, что кризис пандемии «особенно сильно ударил по социально незащищенным группам. Степень утраты доходов оказалась сопоставимо выше у молодежи, женщин, самостоятельно занятых и непостоянно занятых работников с более низким уровнем образования. Женщины страдали от утраты доходов и потери работы потому, что они чаще работали в отраслях, затронутых локдаунами и мерами социального дистанцирования,

и именно на их плечи легло основное бремя забот по уходу за членами семьи, а также связанных с закрытием детских садов и школ»¹⁴.

Доля безработицы городской молодежи обнаруживает тенденцию к снижению в следующих возрастных группах: 15–19 лет (с 2017 по 2019 гг.) и 20–24 года (в 2019, по сравнению с 2017 г.) и остается почти неизменной в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года.

Доля безработицы сельской молодежи снижалась практически во всех возрастных группах с 2017 по 2019 гг.

Между тем, в 2020 году доля безработицы среди молодых людей повысилась как в городских, так и в сельских поселениях. Доля безработной молодежи 15–19 лет была выше в городе, чем в селе. Во всех других «молодежных» группах доля безработицы молодежи оставалась более высокой на селе.

Таким образом, пандемия коронавирусной инфекции в части социально-экономических последствий, включая безработицу, в России затронула все возрастные группы молодых людей, сказалась как на городской, так и на сельской молодежи, нивелировала положительные тренды молодежной занятости, заложенные в 2017–2019 гг.

По подсчетам российских исследователей [1] на основе данных Всемирного банка, с 2017 по 2020 гг. в возрастной группе российской молодежи 15–24 лет уровень безработицы был существенно выше, чем в США и Германии, но ниже, чем в странах Еврозоны. В то же время уровень занятости российской молодежи 15–24 лет оказался существенно ниже, чем в обозначенных государствах (табл. 6).

Таблица 6.

Уровень занятости и безработицы молодежи 15–24 лет (по странам мира: РФ, США, Германия, Еврозна) за 2017–2020 гг.

Table 6.

The level of employment and unemployment of youth aged 15–24 (by countries of the world: Russia, USA, Germany, Eurozone) for 2017–2020

	Уровень безработицы молодежи, %				Уровень занятости молодежи, %			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
РФ	16,3	17,0	15,2	17,0	26,0	25,1	24,9	23,6
США	9,2	8,6	8,4	14,9	49,9	50,3	51,1	45,3
Германия	6,8	6,2	5,8	7,2	45,5	45,4	46,1	46,9
Еврозна	21,6	19,6	18,2	20,1	30,7	31,3	31,8	30,2

Источник: [1]

Отраслевая локализация молодежной занятости носит ярко выраженный характер. Наибольшая доля молодежи 15–29 лет отмечена в таких видах деятельности, как работа гостиниц и предприятий общественно-

¹⁴ Доклад о мировом развитии 2022... Группа Всемирного банка. 2022. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/publication/wdr2022> (дата обращения: 14.04.2022).

го питания; деятельность в области информации и связи; финансовая и страховая деятельность; оптовая и розничная торговля; государственное управление и обеспечение военной безопасности. В 2020 году, по сравнению с 2019 годом, процент занятости молодежи снизился по всем видам экономической деятельности (табл. 7). Настораживает тот факт, что наименьшая доля молодых людей представлена в таких значимых видах деятельности, как здравоохранение и социальные услуги, образование¹⁵, сельское хозяйство¹⁶. Не изменилась, т. е. осталась по-прежнему невысокой, доля молодежи в профессиональной, научной и технической деятельности (16,9% от всех занятых в данном виде экономической деятельности).

Таблица 7.

Виды экономической деятельности с наибольшими и наименьшими долями молодежи в 2019 и 2020 гг.

Table 7.

Types of economic activity with the largest and smallest proportions of young people in 2019 and 2020

Виды экономической деятельности с наибольшей долей молодежи 15–29 лет, % от всех занятых в данном виде экономической деятельности	
2019	2020
Деятельность в области информации и связи – 29%	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – 27,3%
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – 27,7%	Деятельность в области информации и связи – 26%
Деятельность финансовая и страховая – 26,7%	Деятельность финансовая и страховая – 24,1%
Торговля оптовая и розничная – 23,6%	Торговля оптовая и розничная – 21,7%
Государственное управление и обеспечение военной безопасности – 22,7%	Государственное управление и обеспечение военной безопасности – 21,2%
Виды экономической деятельности с наименьшей долей молодежи 15–29 лет, % от всех занятых в данном виде экономической деятельности	
Водоснабжение и водоотведение – 11%	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 10,4%
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 11,8%	Водоснабжение и водоотведение – 10,6%
Обеспечение электрической энергией и газом – 13%	Обеспечение электрической энергией и газом – 12,1%
Здравоохранение и социальные услуги – 13,2 %	Здравоохранение и социальные услуги – 12,2%
Сельское хозяйство – 15,1%)	Образование – 12,8%

Источник: составлено автором на основе данных Росстата¹⁷

¹⁵ Доля молодежи 15–29 лет, занятой в образовании, за год упала на 1% и составила 12,8% в 2020 году.

¹⁶ Доля молодежи, занятой в сельском хозяйстве, в 2019 и 2020 гг. осталась неизменной (15,1%).

¹⁷ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

Занятость молодежи в неформальном секторе

Особое место в изучении проблем занятости молодежи занимает ее занятость в *неформальном секторе*. В России в качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица, а к занятым в неформальном секторе относят индивидуальных предпринимателей; лиц, работающих по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; членов семьи, помогающих в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающих на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена¹⁸ Отметим, что концепция неформального сектора отличается от понятия скрытой (теневой) экономики тем, что деятельность предприятий неформального сектора связана с предоставлением товаров и услуг, производство и распространение которых законно. А именно: «деятельность предприятий неформального сектора не обязательно связана с преднамеренным уклонением от уплаты налогов или взносов на социальное страхование, или нарушением трудового законодательства, или других правил. Однако некоторые из предприятий неформального сектора предпочитают оставаться незарегистрированными или нелицензируемыми, чтобы избежать выполнения всех или некоторых правил и таким образом снизить издержки производства»¹⁹.

Таблица 8.

Численность молодежи, занятой в неформальном секторе (2006–2019 гг.)²⁰

Table 8.

The number of young people employed in the informal sector (2006–2019)

	Всего занятых в неформальном секторе, тыс. чел.	Всего молодежи 15–29 лет, тыс. чел.	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
2006	12601	3614	542	1404	1668
2007	12931	3635	518	1455	1662
2008	13837	3950	473	1644	1833
2009	13382	3656	362	1486	1808
2010	11482	3092	273	1264	1555
2011	12922	3443	260	1405	1778

¹⁸ (Росстат). Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

	Всего занятых в неформальном секторе, тыс. чел.	Всего молодежи 15–29 лет, тыс. чел.	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
2012	13600	3578	243	1399	1936
2013	14096	3702	248	1479	1975
2014	14387	3636	203	1363	2070
2015	14827	3608	205	1263	2140
2016	15370	3581	222	1176	2183
2017	14324	3370	186	1076	2108
2018	14581	3179	181	971	2027
2019	14800	3110	168	955	1987

Начиная с 2010 года, неформальная занятость населения растет: в этом сегменте в 2019 году было занято 14800 тыс. чел., из которых 55,28% – мужчины, 44,72% – женщины. Остается высокой доля молодежи, занятой в неформальном секторе (табл. 8; рис. 4).

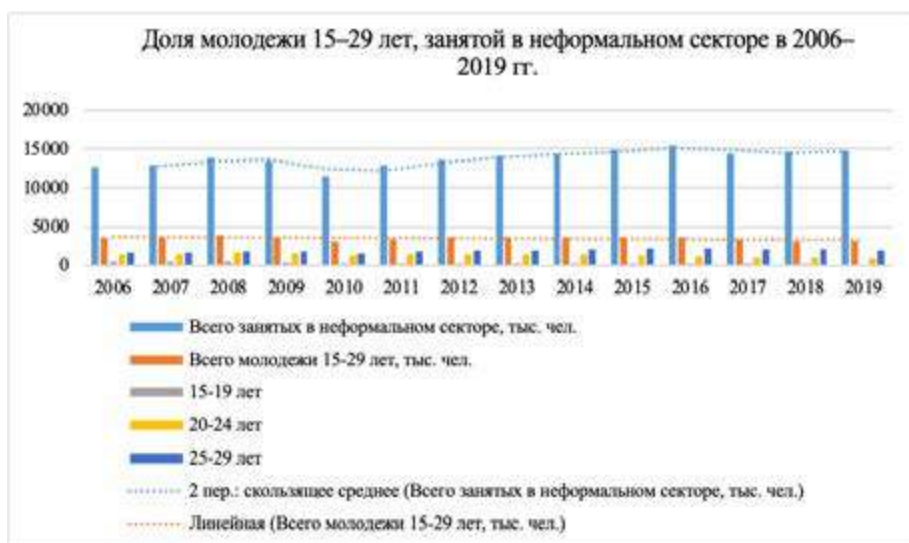

Рис. 4. Доля молодежи, занятой в неформальном секторе в 2006–2019 гг.

Fig. 4. The share of young people employed in the informal sector in 2006–2019

Источник: составлено автором на основе данных Росстата²¹

Наибольший удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых составляет молодежь в возрастных категориях 15–19 лет и 20–24 года (табл. 9), причем в возрастной группе молодежи 15–19 лет с 2006 года наблюдается самый большой рост неформальной занятости, по сравнению со всеми другими возрастными группами населения. Исследователи предполагают, что молодежь данной возрастной группы более склонна к неформальной занятости, поскольку не имеет за-

²¹ (Росстат). Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

конченного образования, не обладает опытом работы, вынуждена совмещать учебу и трудовую деятельность [7].

Таблица 9.

Удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых по возрастным группам, %²²

Table 9.

The proportion of people employed in the informal sector in the total number of people employed by age groups, %

Год	Занятые в неформальном секторе (в % от общей численности занятого населения)	В том числе в возрасте, лет											
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
2006	18,2	40,5	21,8	18,7	18,3	19,3	17,6	16,2	14,3	12,7	19,7	33,8	45,5
2019	20,6	48	26,4	21,4	21,1	20,9	20,4	19,5	18,8	17,4	17,9	23,3	39,3
Изменения	+2,4	+7,5	+4,6	+2,7	+2,8	+1,6	+2,8	+3,3	+4,5	+4,7	-1,8	-10,5	-6,2

Прекарность молодежи

Коллектив исследователей из РГГУ [Тощенко Ж. Т., Анисимов Р. И., Белова Н. И., Буланова М. Б., Воробьева И. В., Зотова В. А., Кученкова А. В., Лазенкова А. П., Ниорадзе Г. В., Романовский Н. В., Тартыгашева Г. В., Шевченко И. О., Цапко М. С. и др.] среди множества определений прекарности использует в своей работе 7 индикаторов (признаков) прекарной занятости, имеющих значение при определении уровня, а также индекса прекарности молодежи:

1. Оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год;
2. Полное несоответствие образования и квалификации работе;
3. Переработка (более 8 часов) постоянная;
4. Подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная);
5. Зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся);
6. Смена работы за последние 3 года более 1 раза;
7. Невозможность влиять на решения в своей производственной организации [4].

Оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год. Как уже отмечалось, доля молодежи, трудящейся в условиях неформальной занятости, остается высокой, особенно в возрастных категориях 15–19 лет и 20–24 года, что свидетельствует, с одной стороны, об уязвимости данных возрастных групп на рынке труда, а с другой стороны, дает им возможности для дополнительной подработки в условиях неоконченного образования и недостаточного опыта работы.

Временная занятость молодежи, ограниченная сроком действия договора (как правило, не более чем на 1 год), способствует отказу молодым

²² Там же.

работникам во многих правах, таких, например, как защита от несправедливого увольнения или компенсация в связи с сокращением штатов, которыми пользуются те, кто занят постоянно или как минимум работает по договору, в котором не указан срок пребывания в должности [7].

Полное несоответствие образования и квалификации работе. Данные Росстата²³ иллюстрируют несоответствие между полученным образованием и реальным местом работы молодежи: 31% выпускников вузов, 42,8% выпускников СПО по программе подготовки специалистов среднего звена и 49,9% выпускников СПО по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих), получивших образование в 2016–2018 гг., работали в 2019 году не по полученной профессии (специальности).

Наибольшее несоответствие высшего образования реальному месту работы определено по следующим направлениям обучения:

1. Сельское, лесное и рыбное хозяйство (у 60,7% выпускников работа не связана с полученной профессией);
2. Социология и социальная работа (52,9%);
3. Политические науки и регионоведение (52,3%);
4. Промышленная экология и биотехнологии (47,5%);
5. Технологии материалов (45,2%);
6. Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии (43,2%);
7. Техника и технологии строительства (42,6%);
8. Машиностроение (41,9%);
9. Науки о Земле (41,8%);
10. Сервис и туризм (41,2%) и др.

По нижеперечисленным направлениям высшего образования напротив наблюдается связанность работы с полученной профессией:

- 1) Клиническая медицина (у 97% выпускников работа связана с полученной профессией),
- 2) Фармация (95,7%);
- 3) Науки о здоровье и профилактическая медицина (93,3%);
- 4) Военное управление (92,8%);
- 5) Химия (87,7%);
- 6) Сценические искусства и литературное творчество (85,1%);
- 7) Музыкальное искусство (84,3%);
- 8) Физическая культура и спорт (83,8%);
- 9) Ядерная энергетика и технологии (83,4%);
- 10) Ветеринария (81,7%) и др.

Переработка (более 8 часов) постоянная. По данным современных исследований²⁴, 79% сотрудников во всем мире перерабатывают в среднем 20,4

²³ (Росстат). Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.04.2022).

²⁴ Maxis Global Benefits Network. URL: <https://maxis-gbn.com/> (accessed on 21.04.2022).

часа в месяц, то есть почти три полных рабочих дня. Россияне тратят на работу 21,2 дополнительных часа в месяц и занимают пятое место по переработкам – после работников ОАЭ (24 часа в месяц), США (23,2 часа), Гонконга (23,2 часа), Франции (22,4 часа). Оценить масштабы переработки в России до конца осуществить невозможно, поскольку, в отличие от стран Запада, в России не распространен формат оплаты работы по часам²⁵. Однако имеются данные hh.ru, согласно которым с каждым годом растет количество вакансий с пунктом «ненормированный рабочий день». Дать оценку масштабам переработок позволяют данные hh.ru, согласно которым, 43,15% начинающих специалистов перерабатывают несколько раз в неделю, а 14,04% – ежедневно, что может быть связано со стереотипом, что молодые должны работать больше и дольше. Однако фактически топ-менеджеры и руководители отделов / направлений перерабатывают не меньше начинающих специалистов (рис.5).

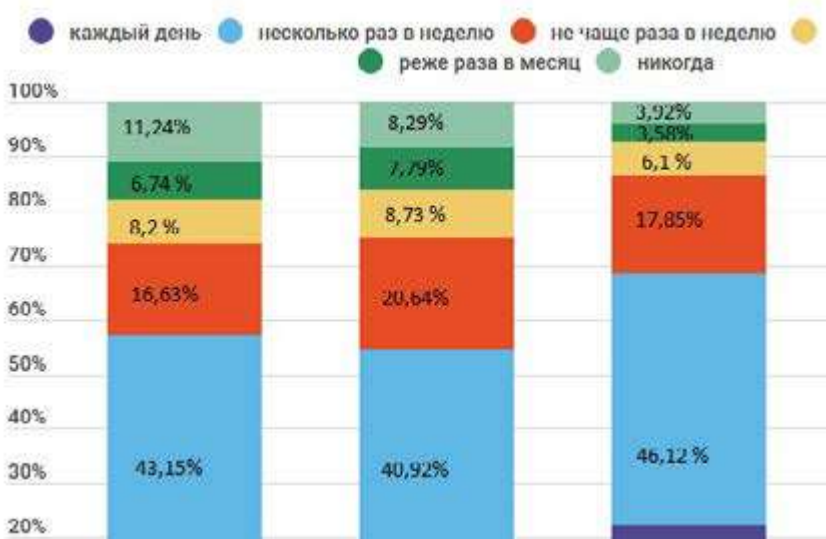

Рис. 5. Какие специалисты задерживаются на работе чаще всего?

Fig. 5. Which specialists stay at work most often?²⁶

Наряду с переработками, при анализе precariousности молодежи следует принимать во внимание и такую «современную» форму прекаризации, как вынужденная занятость на неполный рабочий день, когда частично занятые работники имеют меньшие права и пособия, чем предусмотрены в

²⁵ Больше не значит лучше. Чем опасны трудовоголизм и переработки? // ТАСС. 25.03.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6248689> (дата обращения: 21.04.2022).

²⁶ Какие специалисты задерживаются на работе чаще всего? // HeadHunter. URL: <https://infogram.com/lpmqjn5qjpk6z6t3n95qngp6w2izl9vkqxj> (дата обращения: 13.04.2022).

стандартных договорах, или когда работники хотели бы трудиться полный день, но не могут найти соответствующие рабочие места [3].

Подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная). Согласно данным экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), исследовавших финансовую грамотность 15-летних школьников из разных стран, 50% российских подростков подрабатывают в свободное от учебы время (для сравнения, 48% – подростки стран-лидеров PISA-2018), 31% заняты на нерегулярной неофициальной работе (46% – подростки PISA-2018), а 27% работают в семейном бизнесе (16% – подростки PISA-2018²⁷). Однако если подработку подростков можно рассматривать в положительном аспекте как возможность приобретения дополнительных навыков, включая soft-skills, возможность заработать на «карманные расходы» как альтернативу получения денег от родителей (70% подростков получают деньги на карманные расходы без выполнения работы по дому; 44% подростков – за работу, выполненную по дому), то в более старших возрастах молодежь рассматривает подработку именно как источник дополнительного заработка²⁸. Так, около 61% студентов российских вузов вынуждены подрабатывать, поскольку прожить на стипендию невозможно (исследование компании HeadHunter)²⁹. 44% вынужденных подрабатывать обучающихся заняты в областях, не связанных с будущей профессией.

По материалам совместного исследования «Ситимобил» и ResearchMe³⁰, 70% молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет имеют подработку или находятся в ее поисках, и только 15% респондентов пока не задумываются о поиске подработки.

Безработица в 5% среди россиян 25–29 лет при среднем показателе 3,3% для старших возрастов свидетельствует не только о последствиях «демографической ямы», но и о неблагоприятной ситуации на рынке труда для молодых специалистов, осложненной высокими ожиданиями молодежи и ее представлениями о достойном уровне жизни. Подобные ожидания у российской молодежи формируются уже в младшей возрастной группе: на

²⁷ PISA – Международная программа оценки образовательных достижений учащихся, разработанная ОЭСР (Организацией экономического сотрудничества и развития), участие в которой принимают не только страны, входящие в ОЭСР, но и государства, сотрудничающие с ней (в т. ч. Россия), *прим. автора.*

²⁸ Исследование: половина российских подростков подрабатывают после учебы // Российская газета. 08.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/08/issledovanie-pоловина-rossijskih-podrostkov-podrabatyvaiut-posle-ucheby.html> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁹ Более половины российских студентов вынуждены подрабатывать // Рамблер. Новости. URL: https://news.rambler.ru/sociology/43562044-bolee-poloviny-rossijskih-studentov-vynuzhdeny-podrabatyvat/?utm_source=copysharing&utm_medium=social (дата обращения: 26.04.2022).

³⁰ Опрос проводился с 27.07.2020 по 02.08.2020 г. N= 1,6 тыс. респондентов по всей России, *прим. автора.*

первой работе 40% школьников хотят получать более 60 тыс. руб. в месяц³¹, в то время как средняя зарплата в России на конец 2021 года составила 56 тыс. руб. За год 20–29-летних специалистов стало меньше на 460,5 тысячи человек³², а среди молодых людей все большую популярность приобретают фриланс, блогинг в социальных сетях и др.

Современные блогеры получают вознаграждение от самой социальной сети за создание контента или количество его просмотров. Также у блогеров есть доходы от рекламных контрактов, интеграций с брендами, от бартер-ов (когда блогер получает продукцию от бренда), розыгрышей, от систем размещения персонализированной рекламы (баннеры, ссылки, контекст, тизеры) и с «донатов» (пожертвований) пользователей³³. В Instagram (ныне запрещенной в России социальной сети) среди молодежи были популярны марафоны, тренинги, консультации, спрос на которые повысился в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 и переходом всего мира, в том числе сферы услуг, в онлайн³⁴.

Поскольку практически отсутствуют трудовые и социальные гарантии для неформально работающих людей, то занятую на подобных условиях молодежь следует относить к прекариям, место которых в данной социальной структуре не является добровольным, а носит характер мнимой добровольности, поскольку нет других альтернатив этой форме занятости [8].

Зарплату в конверте (систематическую или иногда случающуюся) получают в России примерно 25 млн человек³⁵, – к таким выводам пришли специалисты Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС, подсчитавшие, что 32,5% опрошенных работают или подрабатывают «по-серому», без уплаты налогов. Было выделено несколько причин, по которым граждане готовы получать зарплаты в конвертах:

- во-первых, это возможность увеличить свой доход;
- во-вторых, это возможность совмещения нескольких видов деятельности;

³¹ По данным опроса международной образовательной компании «ЯКласс», *прим. автора*.

³² По подсчетам международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, *прим. автора*.

³³ Черноусов И. Сколько и как зарабатывают блогеры в соцсетях // Российская газета. 09.08.2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/09/skolko-i-kak-zarabatyvayut-blogery-v-socsetiah.html> (дата обращения: 26.04.2022).

³⁴ Прибыловский М. Тиктокеры, а не иждивенцы: молодые россияне все чаще отказываются работать. За год рынок труда «потерял» почти полмиллиона работников от 20 до 29 лет... // News.ru. 25.01.2022. URL: <https://news.ru/society/tiktokery-a-ne-izhdivency-molodye-rossiyane-vse-chashe-otkazyvayutsya-rabotat/> (дата обращения: 26.04.2022).

³⁵ Аракелян Е. Слишком высокие налоги? Зачем мы соглашаемся на зарплаты в конвертах. Примерно 25 млн человек в России получают серые зарплаты // Комсомольская правда. 23.09.2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/27046.3/4110439/> (дата обращения: 26.04.2022).

– в-третьих, что особенно актуально для молодежи, – возможность работать «по-серому» там, где могли бы возникнуть ограничения в силу молодого возраста или состояния здоровья;

– в-четвертых, недостаточность веры в то, что способы получения зарплаты в будущем могут повлиять на пенсионные выплаты;

– в-пятых, по мнению многих опрошенных респондентов, оплата их «белого» труда несправедливо занижена, следовательно, «деньги, которые платятся из рук в руки напрямую, многим кажутся более честными»³⁶.

Смена работы за последние 3 года более 1 раза чаще всего имеет отношение к подросткам и студенческой молодежи, не привязывающей работу к будущей специальности (профессии), а рассматривающей ее как возможность заработка. Между тем, одним из трендов «постковидной» реальности является увеличение объемов найма: люди стали чаще менять работу, находясь в поиске наиболее приемлемых для себя условий. Для работодателя это также означает необходимость большего найма людей, в том числе на замену тем, кто уходит. Права работника в данной ситуации будут защищены меньше, так как работодатель понимает, что трудовые отношения можно в любой момент прервать и найти сотрудника, согласного на уже имеющиеся условия. В связи с частой сменой работы все большее число молодых людей неоднократно относится к категории «начинающий специалист», на нескольких местах работы, что фактически лишает их возможности карьерного роста.

Одним из признаков прекарности молодежи выступает *невозможность влиять на решения в своей производственной организации*, что является дисфункциональным следствием распространения неформальной и нелегальной занятости, попаданием в ситуации нестабильной занятости. Между тем, данный признак прекарности связан, на наш взгляд, с субъективной оценкой последствий нестабильной занятости для рассматриваемой группы. Как сама молодежь реагирует на новые условия занятости? Создают ли они новые возможности или увеличивают риски? Находит ли молодежь возможности повлиять на решения в своей производственной организации?

Одним из современных исследований отношения выпускников вуза к нестабильной занятости и последствиям прекаризации стало исследование «Выпускники университетов как новый прекариат», проведенное научным коллективом Южного федерального университета в апреле 2021 года [3]. В результате исследования, проведенного методом фокус-групп среди студентов и выпускников Южного федерального университета (n=28 чел., 16 мужчин и 12 женщин, средний возраст респондентов 22,5 года), выделены причины нестабильной занятости молодежи данной возрастной

³⁶ Там же.

группы: несоответствие требований рынка труда и навыков, предоставляемых университетом; завышенные ожидания; недостаток личной инициативы; особенности отраслей и специальностей; особенности российского рынка труда. Данное исследование интересно, прежде всего, в части развития теории профессиональной социализации молодежи.

В условиях пандемии коронавирусной инфекции и вводимых ограничительных мер интерес представляют адаптационные стратегии, выбираемые молодежью. Возможно, в дальнейшем именно они станут образцом для других поколений. С одной стороны, новые условия притормозили развитие локального молодежного активизма, обнаружили неуверенность 38% молодежи в собственных карьерных перспективах³⁷, с другой – послужили триггером для появления новационных практик и поведенческих паттернов молодежи [4; 8], связанных с позитивными сторонами карантинного времяпрепровождения, волонтерской деятельностью, онлайн-обучением, онлайн-стажировками и пр.

Заключение

На основе статистических данных и материалов вторичных социологических исследований автор проанализировал изменения в социально-демографической структуре российской молодежи и пришел к следующим выводам. Численность молодежи, равно как и в целом численность населения России, ежегодно сокращается. Образовательный уровень российской молодежи в части профессионального образования растет, получение высшего образования остается у нее в приоритете. С 2017 года прослеживается тенденция увеличения безработицы молодежи во всех возрастных группах, а самый высокий уровень безработицы наблюдается в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года. Во всех «молодежных» возрастных группах выше доля безработицы выше среди женщин. Отраслевая локализация молодежной занятости носит ярко выраженный характер. Остается высокой доля молодежи, занятой в неформальном секторе. Для российской молодежи актуальна проблема прекарности.

Российская молодежь обладает чертами прекарности, которые могут усиливаться у социально уязвимых категорий, таких как молодые беженцы; молодые мигранты; юноши и девушки, проживающие за чертой бедности; молодежь с ограниченными возможностями здоровья; девочки и молодые женщины, уже страдающие от последствий гендерного неравенства; молодые семьи (включая студенческие); молодежь, отбывшая наказание в МЛС, и др. Изучение особенностей прекаризации различных возрастных групп и категорий молодежи, их социальных настроений и

³⁷ Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being: Survey Report. Geneva: ILO, 2020. URL: https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm (accessed on 26.04.2022).

ожиданий, позволит выработать рекомендации по совершенствованию государственной политики в сфере образования, содействия трудоустройству и занятости молодежи на основе принципов комплексности и адресного подхода.

Список литературы

1. Забелина О. В. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи / О. В. Забелина, А. М. Асалиев, Е. С. Дружинина // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 9. С. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473.
2. Авраимова Е. М. Социальные настроения и ожидания молодежных групп // Экономическая ситуация в России после кризиса: ожидания, настроения, перспективы / Е. М. Авраимова, Д. М. Логинов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 52 с.
3. Маслюкова Е. В. Государственная политика в сфере образования и молодежный прекариат / Е. В. Маслюкова, А. И. Маскаев, М. А. Покусаенко // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13. № 4. С. 140–152. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.140-152.
4. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с.
5. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: Издательство «Весь Мир», 2021. – 400 с.
6. Тенденции в сфере занятости (На примере современной России) / Г. Ф. Фейгин, О. Н. Громова, З. Н. Каландаришвили [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2020. – 168 с. – (Социально-трудовые конфликты). – ISBN 978-5-7621-1109-6.
7. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. Ред. С. Шукиной; Нац. Исследоват. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. – 144 с.
8. Ядова М. А. Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения. *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 2 (16). С. 20–28. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28.

Сведения об авторе:

Князькова Екатерина Александровна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, доцент социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: eapavlova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0001-7313-8754, PIIIC Author ID: 785242, Scopus Author ID: 57202401926, Researcher ID: AAV-2422-2020.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; принята в печать 25.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

PROBLEMS OF EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT OF RUSSIAN YOUTH

Ekaterina A. Knyazkova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: eapavlova@bk.ru

For citation: Knyazkova E. Problems of employment and unemployment of Russian youth. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.9>. EDN: KFEPIT

Abstract. The article summarizes the main trends in the sphere of employment and unemployment of Russian youth on the secondary materials of modern research and the source base of 2020–2022, actualizes the problems of informal youth employment and its precarization. Despite the increase in the share of young people in the total population, associated with an increase in the

boundaries of youth age, the dynamics of the number of young people in Russia is decreasing. The level of vocational education of young people is growing, the level of their employment in 2017–2020 also showed an upward trend and exceeded the all-Russian employment indicator. Probably, due to the coronavirus pandemic, the employment rate of all age groups has decreased. In the same period of 2017–2020, the highest levels of employment were typical for groups aged 30–34 and 25–29 years (85.7% and 83.3%, respectively). In younger age groups, the employment rate is 48.5% – 20–24 years, 5.3% – 15–19 years. Since 2017, there has been a trend of increasing youth unemployment. The proportion of young people employed in the informal sector remains high, especially in the age categories of 15–19 years and 20–24 years. For modern youth, the problem of precarious employment is relevant, the main elements of which have been studied and summarized by the staff of the Russian State University for the Humanities under the leadership of Toshchenko Zh. T. The research materials may be of interest to specialists involved in the development of managerial decisions in the areas of state youth policy, employment promotion and youth employment policy, as well as researchers of the identified problems.

Keywords: socio-demographic structure of Russian youth, education of Russian youth, youth unemployment, youth employment, youth employment in the informal sector, youth precarity.

References

1. Zabelina O. V., et al. Problems of the youth segment of the Russian labour market and novelties of the youth employment policy. *Russian Journal of Labor Economics*. 2021. Vol. 8. No. 9. Pp. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473. (In Russ.)
2. Avraamova E. M. Social'nye nastroyeniya i ozhidaniya molodezhnykh grupp [Social moods and expectations of youth groups]. In: *Ekonomicheskaya situatsiya v Rossii posle krizisa: ozhidaniya, nastroyeniya, perspektivy* [The economic situation in Russia after the crisis: expectations, moods, prospects]: scientific reports / Ed. by Avraamova E. M., Loginov D. M. Moscow: RANEP, 2020. 52 p. (In Russ.)
3. Maslyukova E., et al. "Public Education Policy and Youth Precariat". *Journal of Institutional Studies* 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 140–52. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.140-152. (In Russ.)
4. Precariat: the formation of a new class (collective monograph) / Ed. by J. T. Toshchenko. M.: Center for Social Forecasting and Marketing, 2020. 400 p. (In Russ.)
5. Precarious employment: origins, criteria, features / Ed. by J. T. Toshchenko. M.: Publishing house "Ves Mir", 2021. 400 p. (In Russ.)
6. Feigin G. F., Gromova O. N., Kalendarishvili Z. N. *Trends in employment (on the example of modern Russia)* // Feigin G. F., Gromova O. N., Kalendarishvili Z. N. [and others]. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2020. 168 p. (Social and labor conflicts). (In Russ.)
7. Krauch K. *Pobedit li gig-ekonomika? [Will the gig economy win?]*. Translate from English Y. Kapturevsky. Moscow: Higher school of economics, 2020. 144 p. (In Russ.).
8. Yadova Maiya A. "Young People in the Age of the COVID-19 Pandemic: The Age-Related Benefits and Limitations". *Siberian Socium*. 2021. Vol. 5. No. 2. Pp. 20–28. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28. (In Russ.)

Bio note:

Ekaterina A. Knyazkova, candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy, Institute of Demographic Research FCTAS RAS; Associate Professor, faculty of sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: eapavlova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0001-7313-8754, PИИЦ Author ID: 785242, Scopus Author ID: 57202401926, Researcher ID: AAV-2422-2020.

Received on 27.05.2022; accepted for publication on 25.08.2022.
The author has read and approved the final manuscript.